

Вся Монгун-Тайга знала шамана Конгура как Олбес-Хама — Бессмертного Шамана. Он заряжал при всех обойму карабина пятью патронами и приказывал своему племяннику, чтобы тот выстрелил в него. Люди в юрте дрожали от страха, а шаман после пяти выстрелов оставался жив. В другой раз Конгур-Хам при всех засовывал в рот кочергу, раскалённую докрасна. Все слышат страшное шипение, а во рту у шамана — ни следа ожога...

Во время засухи, после проведения шаманом Конгуром обряда подношения духам горы и тайги, наконец-то полил долгожданный дождь. Обрадованные араты-кочевники просили у духов, чтобы зеленела трава, не болел скот, не высыхали реки. Они поверили в могущественную силу шаманов, сохранив надолго в памяти впечатления этого радостного дня.

Шаман Конгур слышит, как звёзды говорят, небо звучит, как стучит сердце человеческое. Ведь шаман видит и слышит то, чего простой человек не может ни видеть, ни слышать.

Однажды Конгур с сыном пришли к пещере Чажыт-Куй, и шаман сказал:

— Я много раз говорил с шаманами нашего клана и знаю, что они погружаются в сон и путешествуют далеко-далеко, в то время как тела их неподвижны. Я буду сидеть здесь, в куй¹, пока не усну и пока не найду богиню; я должен либо найти её, либо умереть.

Ведь стоит Конгуру целиком довериться богине, вручив ей свою жизнь, как начнут происходить настоящие чудеса...

Конгур закрыл глаза, откинулся назад, прислонился спиной к стене пещеры... Холурааш смотрел на бесстрастное лицо отца, такое же застывшее, как каменная стена у Конгура за спиной. Пожалуй, такое лицо всё же нравилось ему больше, чем то, постоянно искажённое муками тоски и боли после смерти матери.

¹ Куй — пещера.

Глаза отца открылись, и Холурааш отпрыгнув назад от неожиданности, вскрикнул:

— Что же ты мало поспал?!

— Не там, где надо, — Конгур поднялся.

Холурааш удивился:

— Откуда ты знаешь?

— Откуда — не знаю, но знаю точно.

Конгур встал, осторожно вошёл в пещеру и пошёл по коридору дальше, сел, встал, снова пошёл вперёд. У Холурааша сердце упало в пятки, но он последовал за отцом в недра пещеры. И вдруг коридор закончился. Оказалось, что за коридором начиналась полость, занимавшая, наверное, всю внутренность огромной скалы. С высоты сюда забирались лучи солнечного света, проникая сквозь трещины в камне, отчего в пещере царил розовый сумрак. Тут было на удивление чисто. Холураашу с трудом верилось, что до сих пор ни один зверь не додумался устроить себе тут логово, но, похоже, именно так и было. Вот почему эта пещера называется Чажыт-Куй — Тайная пещера.

Конгур же то вставал, то садился, качал головой, шёл к другому месту и снова садился. Наконец, после десятка таких попыток, он уселся у стены, прислонился к ней, закрыл глаза и замер, только грудь его вздымалась медленно и ровно. Холурааш встревожился. Он опустился на колени около отца и стал пристально всматриваться в его лицо. Прошло немного времени, и он заметил, что Конгур перестал дышать... Холураашу показалось, будто бы и руки, и грудь, и лицо отца затвердели, одеревенели. Он долго сидел около шамана, чувствуя, как нарастает тревога, уверяя себя в том, что отец не может так просто умереть, сидя здесь. В конце концов Холурааш не выдержал — протянул руку и коснулся руки отца. Тревога его переросла в страх. На ощупь рука шамана действительно оказалось деревянной.

А для Конгура всё было по-другому. Он сидел, не двигаясь, и думал о пережитом. Конгур позволил своей тоске скопиться в душе, переполнить её, опустошить и понял, что до сих пор скорбит о Чинчи, жене. Он не помнил, закрыл ли он глаза, — розовый полумрак пещеры стал гуще, плотнее, превратился в туман.

Только что он сидел на камне в пещере, говорил с сыном — и вот перед ним потрясающее воображение необъятные пространства, поражающие, насколько видит глаз, разнообразием природы. Посверкивающие снеговыми шапками вершины гор переходили в поросшие яркой зеленью долины. Цепи озёр искрились рябью на синей поверхности, большие и маленькие реки и речушки текли в разных направлениях. Он стоял на возвышенной плоской поверхности. Вся она была покрыта мягкой и нежной растительностью, расстилающейся под ногами подобно пышному разноцветному ковру благоухающих головокружительными ароматами трав и цветов; особенно много было эдельвейсов. Вглядываясь вдаль и поражаясь своей способности видеть на громадные расстояния, Конгур заметил, что окружающие поляну бескрайние просторы населены. И среди горных отрогов, и по берегам водоёмов были видны юрты, около них мелькали и двигались фигурки людей и животных.

А потом он услышал бой бубна. Сначала до Конгура донёсся один сдвоенный удар — тяжёлый, потом второй — громче, чем первый. Он подумал, что ему, наверное, послышалось, но двойные удары следовали один за другим с небольшими промежутками, они звучали всё ближе и ближе и в конце концов наполнили грохотом и самого Конгура, и весь мир вокруг него. Объятый внезапной тревогой, он понял, что надвигается что-то ужасное. Медленно встав на ноги, Конгур приготовился к схватке, он уже не сомневался, что слышит вовсе не звуки бубна, а чью-то тяжёлую поступь — шаг какого-то великана, ступающего медленно и тяжело. Туман рассеялся, и появилось огромное чудовище. Получеловек-дракон стоял перед Конгуром и глядел на него большими глазами, оскалив пасть. В руках чудовище сжимало боевую дубинку, утыканную острыми шипами. Великан занёс её над головой, намереваясь вколотить Конгура в землю. Его пасть распахнулась и издала злобное рычание.

В последнее мгновение Конгур успел отпрыгнуть в сторону. Громадная дубина угодила в то самое место, где он только что стоял. Шаман молниеносно бросился к чудовищу, ухватился за рукоять дубинки, повиснув на ней всей тяжестью,

потянул изо всех сил на себя. Дракон злобно взревел, дёрнул дубинку, но она не поддалась. Великан яростно взвыл, поставил ноги и снова рванул дубинку вверх, но Конгур держался крепко. Его оторвало от пола и опустило. Мышцы шамана напряглись, вены были готовы лопнуть. Отчаянно рыча, чудовище отпустило одну руку, а другой нанесло Конгуру страшный удар — царапнуло громадным когтем от плеча до живота. Шаман застонал от боли, но крепко сжал зубы, ещё сильнее, чем раньше, потянул дубинку к себе, и противник выпустил своё оружие из рук. Великан разочарованно застонал и исчез в тумане. Его тяжёлые шаги, похожие на сдвоенные удары огромного бубна, постепенно затихли вдалеке.

Конгур стоял, опираясь на дубинку. Он тяжело дышал, из раны струилась кровь. Ему не верилось, что он ещё жив... В полной растерянности шаман поднял дубинку, чтобы понять, есть ли у него ещё хоть капля силы, и, к его изумлению, дубинка легко оторвалась от пола, словно была не тяжелее древесного листа. И вдруг дубинка сама собой выпрыгнула из рук Конгура, описала полукруг и потянула шамана за собой. Он тронулся в путь под бой невидимого бубна. Бой бубна приближался, становясь всё громче и громче. Вот к нему присоединился странный царапающий звук. Из тумана выкатился громадный шууруун².

Шаман остановился, выпрямился, приготовил к схватке дубинку. Шууруун катился к нему, вертясь всё быстрее и быстрее, огромный, коричневый. Он катился прямо на Конгура, на его поверхности появилась трубка — она вытянулась, конец её расширился, стал размером с голову шамана. Ещё мгновение — и на конце трубки появились пухлые влажные губы, а за ними — острые зубы, напоминавшие две пилы. Шууруун крутанулся и рванулся к Конгуру. Тот отпрыгнул назад, размахнулся дубинкой снизу и ткнул её шипами прямо в зубы чудища. Зубы дёрнулись вправо, влево и перепилили дубинку почти пополам. Шаман в страхе рванул дубинку на себя, но мерзкий шууруун откатывался с такой силой, что шаман не сумел выдержать

² Шууруун — бочка с конденсатором, перегоняющая молочную водку.

её из клыкастой пасти. Шууруун перевернулся, выставил когтистые орлиные лапы и одной из них вцепился в живот шамана. Тот закричал от боли, покачнулся, попятился, но, не удержавшись на ногах, упал. Рукоять дубинки исчезла между скрежещущими зубами. Губы потянулись к Конгuru и, чавкая, принялись пожирать его внутренности. Потом губы оторвались от жертвы, снова появились клыки и начали раздирать шамана на части. Клыки убрались, и снова принялись за дело чавкающие губы. Конгур, прикоснувшись к одной из губ кончиками пальцев, погладил её, потом погладил вторую... Невероятно, но губы дрогнули, и клыки исчезли, словно их и не было вовсе. Конгур продолжал поглаживать губы шуурууна. Силы покидали его, но теперь чудовище принялось залечивать раны шамана весьма своеобразным способом: оно выпивало из них кровь, но нежно, бережно, и Конгур совсем не чувствовал боли. Шаман понимал, что отдал всю кровь, всего себя, он понимал, что теперь ему не придётся увидеть мир, мать и сына Холурааша. Он потерял сознание и погрузился в розовый туман.

Прошло бесконечно долгое время, и Конгuru показалось, будто бы он чувствует, как его тело восстанавливается, будто бы кто-то укладывает в него сожранные чудовищем внутренности. Прикосновения были нежны и приятны. Наконец шаман ощутил, что снова цел и здоров. Зрение его прояснилось, и он увидел женщину, склонившуюся над ним и разглаживающую последние рубцы от ран. То была она. Он рывком вскочил на ноги, сделал первый робкий, неловкий шаг... Слишком неловкий... Не желая отрывать глаз от красавицы, Конгур всё-таки опустил взгляд и увидел... шерсть. Он весь зарос шерстью. Ноги его стали короткими и кривыми. Конгур поднял руки — они превратились в когтистые лапы. В ужасе шаман понял: богиня превратила его в ирбиша!³

Она убегала и дразнила его, она летела и смеялась из тумана, и туман вскоре поглотил её. Конгур-ирбиш обиженно взревел и помчался вперёд галопом. Он бежал, бежал до тех пор, пока туман снова не развеялся. Богиня улыбалась, стоя

³ Ирбиш — снежный барс.

под высоким деревом. Она принялась взбираться по дереву, подманивая Конгура. Он испуганно зарычал, боясь, что богиня покинет его. Ударил по стволу дерева когтями, потом вонзил их в ствол и полез следом за богиней. Розовые облака, потом белые — ствол дерева сужался и в конце концов стал совсем тонким, ирбиш уже еле полз по нему. Он начал уставать, каждое движение давалось ему с трудом, но богиня всё манила и манила его за собой... В конце концов туман снова рассеялся, и Конгур-ирбиш увидел прекрасный аал⁴.

Конгур шагнул к двери и почувствовал под собой человеческие ноги — свои ноги! Пол был тёплый. Он посмотрел прямо перед собой и увидел коридор. Взглянул на свои руки — они тоже вернулись к нему. Опустил глаза — и тело вернулось, вот только он был обнажён. Он приостановился и осмотрел себя внимательнее — на нём не было ни царапины! Но впереди зазвучал голос богини. Её песня отозвалась волнующе в душе Конгура, позвала его вперёд... Раздвинув благоухающие белые занавески, он вошёл в большую юрту с круглыми свода очаге-ожуке запекался с луком и пахучими травами ягнёнок, из него на горячие угли капал сок. На полу в ширтеке⁵ лежали горы подушек, а на дор⁶ стояла она, и её прозрачные одежды развевались, раздуваемые невидимым ветерком.

— Сними мою одежду, — выдохнула богиня, — потому что из-за неё я не вижу тебя.

И Конгур подошёл к ней и одну за другой снял с неё прозрачные накидки. Она, излучая мягкое сияние, обвила шею Конгура руками, а он упал на колени. Она опустилась на колени рядом с ним, и Конгур отдал ей всего себя, всю свою нежность, всю страсть...

— Я должен идти. Я бы никогда тебя не покинул! — пылко воскликнул шаман. — Но я дал слово, пусть даже я не произнёс клятвы вслух. Я тревожусь о моём сыне Холурааше, который охраняет моё тело, если оно до сих пор в пещере.

— В пещере, — кивнула богиня. — Здесь же находится твоё сонное тело... ну не то чтобы совсем сонное... ну да ладно,

⁴ Аал — поселение из нескольких юрт.

⁵ Ширтек — кошма из войлока.

⁶ Дор — самое почётное место в юрте.

назовём его так. Ты погружён в шаманское видение, Конгур, ты стал настоящим шаманом, моим шаманом, ты единственный, кто благословен быть со мной! Ты не боишься меня?

— Побаяваюсь,— признался Конгур.— Я всего лишь простой смертный и вдовец! И ещё я тревожусь за сына, который остался среди живых!

— Не тревожься,— успокоила его богиня.— С твоим сыном и с твоим телом ничего не случится в пещере, потому что он под моей защитой. Моё волшебство охраняет пещеру так, что её не видят и не могут учуять ни чудовища, ни звери, ни враги, так что пусть сердце твоё успокоится и разум отдохнёт.

— Скажи, неужели только ты одна приходишь помогать к людям?

— Да, хотя я преображаюсь редко, не хочу, чтобы моя жизнь зависела от милосердия твоих сородичей, ведь некоторые из них совсем не милосердны,— сказала богиня.— Ты должен учиться. Я научу тебя.

Он учился старательно и трудолюбиво. Богиня научила его впадать в сон внутри сна, познакомила его с добрыми и злыми духами, показала ему их царства. Она научила его словам, которыми можно было вызывать духов, и не только их, но и тех, кто от них зависел, если бы Конгуру понадобилась помощь. Богиня рассказала ему обо всех растениях, обо всех животных, о ядах и о противоядиях. Она научила его песням, танцам и игре на музыкальных инструментах, с помощью которых можно было прогонять злых духов, а добрых, наоборот, призывать и улаживать.

— Теперь ты знаешь, как путешествовать по царству духов, и всегда можешь прийти ко мне,— сказала богиня.

Она поцеловала его долгим прощальным поцелуем, отвернулась и исчезла в дымке. Конгуру стало грустно. Шамана окутал туман, пронзив холодом с ног до головы. Его заколотило в ознобе. Он заморгал, пытаясь стряхнуть пелену с глаз, и туман рассеялся. Первое, что он ощутил, приходя в себя, был холод, жуткий до боли холод и боль, словно его засунули в середину ледяной глыбы и зажали между острыми кусками льда. Второе, что он ощутил, были частые и сильные удары сердца, такие мощные, что от них содрогалась

вся грудная клетка. Казалось, сердце выскочит из груди или, не выдержав такой бешеной работы, разорвётся.

Постепенно страшный холод начал отступать, сначала потеплело вокруг сердца в груди, затем тепло вместе с согревающейся кровью стало поступать и дальше, в остальные части тела, вплоть до кончиков пальцев на руках и ногах. Наконец сердцебиение и дыхание Конгура стали успокаиваться. Он упал, грохнувшись спиной и затылком, на короткое мгновение зажмурился от боли, затем, встряхнув несколько раз зазвеневшей головой, сел и огляделся. Широко открыл глаза, пошевелил окоченевшими конечностями и понял, что вернулся в мир живых. Более того, теперь он понимал очень многое о самом себе: понимал, что часто бывал мрачным, после того как жена Чинчи умерла. Теперь шаман знал, что больше никогда мрачным не будет, потому что богиня всегда будет с ним. Конгур пошевелился и поразился тому, как затекло всё его тело,— и встретился взглядом с Холураашом.

— Спасибо тебе, сынок! — хрипло проговорил Конгур.

Горло у него жутко пересохло. Холурааш так обрадовался хриплому голосу отца! Он радостно вскрикнул, вскочил, бросился к отцу, обнял за плечи.

— Ты живой! — закричал он. — Папа, а я так боялся, что ты умер и навеки превратился в тураскаал!⁷

Но радость Холурааша тут же сменилось гневом:

— Тело твоё похолодело, но ещё холоднее твоё сердце: оставил меня тут; знаешь, как страшно мне было? Ты ни пить, ни есть не хотел — чуть не уморил себя до смерти!

Конгур осмотрел себя. Нет, он даже не похудел, и окоченевшие мышцы мало-помалу размягчаются. Он любовно улыбнулся сыну:

— Я тебе так благодарен, сынок, за то, что ты сберёг моё тело, пока я проходил испытания. Холурааш, прости меня! Уверяю тебя, теперь со мной всё будет в порядке.

Они вышли из пещеры — отец и сын. И пошли по ночной пустыне.

Перевод с тувинского З. Донгак

⁷ Тураскаал — статуя или памятник.